

УДК 81'24
ББК 81.006
ПЗ2

Переводчик АНАСТАСИЯ ПУЧКОВА
Научные редакторы АЛЕКСАНДР ПИПЕРСКИ, ВАЛЕРИЙ ШУЛЬГИНОВ
Научный консультант ПЁТР ВОЛЯК
Редактор ОЛЬГА НИЖЕЛЬСКАЯ

Пинкер С.

ПЗ2 Язык как инстинкт / Стивен Пинкер ; Пер. с англ. — М. : Альпина нон-фикшн, 2023. — 562 с.

ISBN 978-5-00139-250-7

Книга известного канадского лингвиста и нейропсихолога «Язык как инстинкт» была написана в 1994 году и с тех пор стала признанным бестселлером. Предназначенная для самого широкого круга читателей, она также служит введением в науку о языке для многих профессионалов. Стивену Пинкеру удалось в ней совместить энтузиазм яркого рассказчика и скрупулезность подхода истинного ученого. Опираясь на постулаты Дарвина и Хомского, Пинкер идет дальше и выдвигает идею о том, что человек с рождения имеет способность к языку. Ребенок спонтанно усваивает грамматику даже в смешанной культурной среде, для развития речи ему не нужны формальные правила или исправления со стороны родителей.

Огромный круг проблем, поднимаемых автором, не оставляет равнодушным никого, кто пользуется языком. В чем суть языка? Как он устроен? Разрушают ли его слова, проникающие в нашу жизнь с каждым новым поколением? Как связаны язык и мышление? Эти и многие другие вопросы, рассматриваемые Пинкером в книге, часто задавались и отрабатывались в ходе его лекций, ставших для публики знаковыми. Занимательные примеры из современного английского, в том числе поэзии, песен, сленга, делают повествование легким и живым.

УДК 81'24
ББК 81.006

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в интернете и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу mylib@alpina.ru

ISBN 978-5-00139-250-7 (рус.)
ISBN 978-0-061-33646-1 (англ.)

© Steven Pinker, 1994, 2007
© Издание на русском языке, перевод, оформление.
ООО «Альпина нон-фикшн», 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
ГЛАВА 1	
Инстинкт овладения мастерством	11
ГЛАВА 2	
Говоруны.....	22
ГЛАВА 3	
Ментальный язык.....	54
ГЛАВА 4	
Как устроен язык.....	83
ГЛАВА 5	
Слова, слова, слова... ..	130
ГЛАВА 6	
Звуки тишины	166
ГЛАВА 7	
Говорящие головы	204
ГЛАВА 8	
Вавилонское столпотворение	250
ГЛАВА 9	
Новорожденный заговорил — рассказ о рае.....	282
ГЛАВА 10	
Языковые органы и грамматические гены	319
ГЛАВА 11	
Большой взрыв	354
ГЛАВА 12	
Языковые умники.....	393
ГЛАВА 13	
Как устроен разум	431

ПРИМЕЧАНИЯ	459
ГЛОССАРИЙ	475
БИБЛИОГРАФИЯ	488
ПРЕДМЕТНО-ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	514

Язык как инстинкт. P.S.

Об авторе

Знакомьтесь — Стивен Пинкер	527
-----------------------------------	-----

О книге

Как я писал «Язык как инстинкт»	531
---------------------------------------	-----

Часто задаваемые вопросы	534
--------------------------------	-----

«Язык как инстинкт» сегодня	537
-----------------------------------	-----

Что почитать	553
--------------------	-----

ПРИМЕЧАНИЯ к P.S.	555
------------------------	-----

БИБЛИОГРАФИЯ к P.S.	557
--------------------------	-----

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мне не встречался еще человек, которому не был бы интересен язык, и написал я эту книгу в попытке удовлетворить человеческое любопытство. В наши дни язык постепенно становится подвластен тому убедительному типу познания, который мы зовем наукой, хотя это почему-то держат от нас в секрете.

Человеку, просто интересующемуся языком, я надеюсь показать, что в повседневной речи есть богатство и изящество и это не ограничивается решением загадок, связанных с этимологией, необычными словами или тонкими стилистическими правилами.

Любителям научно-популярной литературы я надеюсь рассказать о последних открытиях, которые вы наверняка встречали в новостях (а во многих случаях о псевдооткрытиях): об универсальных глубинных структурах, о гениальных младенцах, о грамматических генах, о компьютерах и искусственном интеллекте, о нейросетях, о владеющих жестовыми языками шимпанзе, об умеющих говорить неандертальцах, о гениальных безумцах, о детях-маугли, о парадоксальных нарушениях мозга, об однояйцевых близнецах, разделенных при рождении, о цветных изображениях работающих зон мозга, о всеобщем праязыке. Надеюсь, я также отвечу на вопросы, возникающие у всех и каждого: почему в мире так много языков, почему взрослым так трудно дается их изучение и почему никто не может понять, как образовать множественное число от слова *walkman**?

Студентам, еще мало знакомым с наукой о языке и мышлении или, что еще хуже, зубрящим теории о влиянии частотности слов на их восприятие или тонкости принципа пустой категории, я хотел бы передать то состояние интеллектуального волнения или даже предвкушения, которое несколько десятилетий назад дало старт бурному развитию современной науки о языке.

* Имеются в виду варианты образования форм множественного числа слова *walkman* 'плеер': *walkmans*, как у большинства существительных в английском языке, или *walkmen*, по аналогии с *man* 'мужчина' — *men* 'мужчины', *fireman* 'пожарный' — *firemen* 'пожарные'. — Прим. пер.

Моим коллегам, занимающимся совершенно разными дисциплинами и изучающим, казалось бы, никак не связанные между собой темы, я надеюсь предложить способ объединить эти обширные области знаний. И хотя я очень категоричный и упрямый исследователь, мало приемлющий компромиссы, которые часто затмевают суть изучаемого явления, многие споры ученых про язык напоминают мне притчу о слоне и слепых. В ней рассказывается о том, как несколько слепых пытаются составить свое представление о животном, трогая лишь какую-то его часть: кто-то хобот, кто-то бивень, кто-то ноги, — и спорят, так как их описания не совпадают. Синтез, который предложил бы я, заключается в том, чтобы поддерживать все стороны в вечных спорах формализма и функционализма, синтаксиса, семантики и прагматики и так далее. И если можно найти компромисс в этих спорах, то, вероятно, никогда и не было оснований их заводить.

Простому читателю, интересующемуся языком и человеком в самом широком смысле, я надеюсь предложить нечто непохожее на банальные речи о языке, которые, как правило, произносятся во время научных дискуссий как в гуманитарной сфере, так и в естественно-научной (причем часто людьми, никогда не изучавшими язык). Не знаю, плохо это или хорошо, но я могу писать только так, как пишу: в этой книге будет много глобальных идей, которые объясняют устройство мира и подкрепляются множеством значимых деталей. Я рад, что выбрал тему, которая позволяет раскрыть, что лежит в основе игры слов, поэзии, риторики, шуток и хороших книг. Я не стесняюсь приводить примеры как из произведений поп-культуры и речи обычных детей и взрослых, так и из работ выдающихся ученых в моей области и произведений величайших английских писателей.

Таким образом, эта книга предназначена для всех, кто использует язык, а значит — вообще для всех.

Я должен высказать благодарность многим людям. В первую очередь Леде Космидес, Нэнси Эткофф, Майклу Газзаниге, Лауре Энн Петитто, Гарри Пинкеру, Роберту Пинкеру, Рослин Пинкер, Сьюзан Пинкер, Джону Туби и особенно Илавенил Суббиа за ценные комментарии к рукописи, щедрые советы и поддержку.

Мой университет — Массачусетский технологический институт — это особое место для изучения языка, и я благодарен всем коллегам, моим нынешним и бывшим студентам за то, что многому меня научили. Спасибо Ноаму Хомскому за острые замечания и полезные советы. Спасибо Неду Блоку, Полу Блуму, Сьюзан Кэри, Теду Гибсону, Моррису Халле и Майклу Джордану за то, что они помогли мне разобраться в проблемах, рассмотренных в некоторых главах. Спасибо Хилари Бромберг, Якову Фельдману, Джону Хоуду, Сэмюэлу Кейзеру, Джону Киму, Гэри Маркусу, Нилу

Перлмуттеру, Дэвиду Песецкому, Дэвиду Пёппелю, Энни Сенгас, Карин Стромсволд, Майклу Тарру, Марианне Тойбер, Майклу Уллману, Кеннету Уэкслеру и Карен Уинн за исчерпывающие ответы на мои вопросы, связанные с самыми разными темами: от жестовых языков до речевого стиля малоизвестных спортсменов и гитаристов. Спасибо библиотекарю Департамента исследования мозга и когнитивных наук Патрисии Клаффи и менеджеру информационных систем Стивену Уодлоу, специалистам в своем деле, которые помогали мне на протяжении всей работы над книгой.

Я благодарен Дереку Бикертону, Дэвиду Каплану, Ричарду Докинзу, Нине Дронкерс, Джейн Гримшоу, Мисии Ландау, Бет Левин, Алану Принсу и Саре Томасон за вездливое чтение этой книги и профессиональную критику. Также я признателен всем моим коллегам из киберпространства за то, что прощали мне мое нетерпение и нередко отвечали на мои вопросы за считанные минуты: Марку Ароноффу, Кэтлин Бэйнс, Урсуле Беллуджи, Дороти Бишоп, Хелене Кронин, Лайле Глайтман, Мирне Гопник, Жаку Ги, Генри Кучере, Сигрид Липке, Жаку Мелеру, Элиссе Ньюпорт, Алексу Рудницкому, Дженни Синглтон, Вирджинии Вэлиан и Хизер Ван дер Лели. Большое спасибо Альте Левенсон из средней школы Бялик за помощь с латинским языком.

Выражаю особую признательность моему агенту Джону Брокману, моим редакторам Рави Мирчандани (Penguin Books) и Марии Гуарнаскелли (William Morrow) — мудрые и подробные советы Марии помогли значительно улучшить финальную версию рукописи. Катарина Райс уже помогала с редактурой моих первых двух книг, и я очень рад, что она согласилась поработать и с этой книгой, особенно учитывая то, что я обсуждаю в главе 12.

Мое исследование было поддержано Национальными институтами здравоохранения (грант HD 18381), Национальным научным фондом (грант BNS 91-09766) и Центром когнитивных нейроисследований имени МакДоннелла — Пью в Массачусетском технологическом институте.

Глава I

Инстинкт овладения мастерством

Когда вы читаете эти строки, вы приобщаетесь к одному из чудес света. Мы с вами принадлежим к биологическому виду, обладающему удивительной способностью: мы можем с восхитительной точностью формировать представления в головах друг у друга. И я не имею в виду телепатию, управление сознанием или другие лженауки. Даже если кто-то в это верит, все это просто грубые инструменты в сравнении со способностью, которая, без сомнения, есть у каждого из нас. Эта способность — язык. Произнося звуки с помощью нашего речевого аппарата, мы вызываем у другого человека совершенно новые идеи. Эта способность проявляется так естественно, что мы почти забываем, насколько она удивительна. С помощью простых примеров я могу напомнить вам об этом. Добавьте к моим словам немного воображения — и я повлияю на ваши мысли, заставив вас думать об очень конкретных вещах:

Когда самец осьминога замечает самку, его серое тело внезапно становится полосатым. Он проплывает над самкой и начинает поглаживать ее семью щупальцами. Если она не сопротивляется, то он стремительно приближается к ней и просовывает восьмое щупальце внутрь ее дыхательной трубки. Семенная жидкость самца перемещается по его щупальцу, чтобы в итоге попасть в мантийную полость самки.

После праздника остались следы вишни на белом костюме? На алтарном покрове заметны капли вина? Немедленно замочите их в содовой! Она прекрасно очистит вашу ткань от пятен.

Дикси открывает Тэду дверь и поражается: она была уверена, что Тэд умер. Она хлопает дверью прямо перед ним и пытается убежать, но выпускает его после того, как он признается ей в любви. Тэд пытается успокоить Дикси, и внезапно их охватывают чувства. Вдруг появляется Брайан, и Дикси признается Тэду, что недавно они с Брайаном поженились. Собравшись с силами, Дикси сообщает Брайану, что все еще любит Тэда и что Джейми — его сын. «Мой... кто?» — спрашивает ошеломленный Тэд.

Подумайте о том, что сделали сейчас эти слова. Я не просто напомнил вам про осьминогов. Теперь, если вы увидите, как осьминог становится полосатым, хоть это и маловероятно, вы точно будете знать, что произойдет дальше. Возможно, в следующий раз, когда вы окажетесь в супермаркете, из тысячи продуктов, которые там можно купить, вы выберете содовую, которая затем простоит у вас несколько месяцев, пока определенное вещество случайно не попадет на какую-то вещь. Теперь вы, как и миллионы других людей, знаете секреты главных героев, придуманных кем-то для сериала «Все мои дети». Конечно, мои примеры возможны только благодаря умению читать и писать, что делает наше общение особенно удивительным, так как все временные и пространственные границы стираются, позволяя общаться незнакомым между собой людям. В то же время очевидно, что без письма можно было бы обойтись, а на самом деле главным двигателем вербальной коммуникации является устная речь, которой мы овладаем с самого детства.

Язык сыграл выдающуюся роль в истории развития человечества. Несомненно, человек и в одиночку способен быть блестящим инженером и решать многие проблемы, но цивилизация, состоящая только из Робинзонов Крузо, вряд ли покажется примечательной какому-нибудь внеземному наблюдателю. То, чем действительно удивителен наш род, отражено в притче о Вавилонской башне: люди, говорящие на одном языке, смогли подобраться так близко к небесам, что сам Бог испугался. Общий язык объединяет всех членов общества в информационные сети, обладающие невероятной совокупной силой. Любой человек может воспользоваться чужими гениальными идеями и счастливыми случайностями, произошедшими с другими людьми, или набраться мудрости, научившись на ошибках предшественников и современников. Люди могут объединяться в команды и координировать усилия с помощью достигнутых в ходе переговоров соглашений. Именно поэтому *Homo sapiens* стал видом, благодаря которому, так же как и благодаря синезеленым водорослям или земляным червям, на планете произошли глобальные изменения. Археологи обнаружили кости десятка тысяч диких лошадей у подножия скалы во Франции — то, что осталось от табунов, распуганных охотниками эпохи палеолита на вершине скалы 17 000 лет назад. Эти следы древнего сотрудничества и совместной смекалки могут пролить свет на то, почему саблезубые тигры, мастодонты, гигантские шерстистые носороги и десятки других крупных млекопитающих вымерли примерно тогда же, когда современный человек появился в местах их обитания, — очевидно, их истребили наши предки.

Язык и наша жизнь переплетены так тесно, что мы с трудом можем представить ее без языка. Если где-то на планете встретятся два человека, то,

вероятнее всего, почти сразу они начнут обмениваться словами. Когда нам не с кем поговорить, мы говорим сами с собой, с собакой, даже с растениями. В наших социальных отношениях одерживает верх не самый быстрый, а тот, кто лучше всех владеет словом, — приковывающий внимание зрителей оратор, красноречивый обольститель, умеющий уговаривать ребенка, которому не составляет труда победить в борьбе интересов даже самого стойкого родителя. В случае афазии — потери речевой способности из-за поражений мозга — последствия могут быть ужасными, и в некоторых случаях семье пострадавшего даже может казаться, что человек как целостная личность потерян навсегда.

Эта книга посвящена человеческому языку. В отличие от других книг, в названии которых фигурирует язык, здесь вы не найдете наставлений о том, как нужно говорить правильно, не прочтаете о происхождении идиом и сленговых выражений, она не будет развлекать вас палиндромами, анаграммами, перечислением известных личностей, в честь которых что-то названо, или изысканными обозначениями групп животных вроде «стаи жаворонков», *exaltation of larks** (букв. ‘восторг жаворонков’. — Прим. пер.). Это связано с тем, что я намереваюсь писать не про английский и не про какой-либо другой язык — я расскажу о чем-то более общем: об инстинкте овладевать языком, говорить на нем и понимать сказанное. Наконец-то настало время, когда об этом есть что написать. Примерно 35 лет назад родилась новая наука, называемая теперь когнитивной. Чтобы объяснить, как устроено человеческое мышление, она использует методы психологии, информатики, лингвистики, философии, нейробиологии. За последние годы наука о языке значительно продвинулась вперед. Мы близки к тому, чтобы понимать языковые явления так же хорошо, как мы понимаем устройство фотоаппарата или то, зачем нам нужна селезенка. Я расскажу вам об удивительных открытиях, связанных с языком, некоторые из которых ничуть не уступают открытиям в естественных науках, но у меня есть и другие цели.

Недавние открытия, связанные с языковой способностью, оказали значительное влияние на наше понимание языка, его роли в жизни человека и на наше видение человечества в целом. Сейчас у большинства образованных людей есть сложившееся мнение о языке. Мы знаем, что язык — это важнейшее достижение человеческой культуры, основное воплощение нашей способности воспроизводить и понимать символы, которое не встречается ни у одного биологического вида и отличает человека от животных.

* Ср. также названия других групп животных: *a parliament of owls* — букв. ‘парламент сов’, *a convocation of eagles* — букв. ‘заседание орлов’, *a pride of lions*, прайд, — букв. ‘гордость львов’. — Прим. пер.

Мы знаем, что язык и мышление тесно связаны и что разные языки порождают у их носителей различия в восприятии мира. Мы знаем, что дети учатся говорить, наблюдая за теми, кто о них заботится, и другими примерами для подражания.

Мы знаем, что грамматическим тонкостям раньше учили в школе, однако падение образовательных стандартов и распространение поп-культуры привело к пугающим последствиям: не каждый человек способен строить грамматически правильное предложение. Мы также знаем, что сумасбродный английский язык не поддается никакой логике. По-английски мы говорим *one drives on a parkway and parks in a driveway, plays at a recital and recites at a play* — ‘Мы ездим по автомагистрали и паркуемся на подъездной дороге, играем на концерте и декламируем в спектакле’, причудливо комбинируя корни *drive* и *park*, *play* и *recite*. Странность английской орфографии удивляла даже великих мыслителей: Бернард Шоу жаловался, что слово *fish* (рыба) вполне могло бы писаться как *ghoti* (если читать *gh* — как в слове *tough* ‘трудный’, *o* — как в слове *women* ‘женщины’, *ti* — как в слове *nation* ‘нация’). И только инертность препятствует утверждению более рационального принципа орфографии — «как слышится, так и пишется».

На страницах этой книги я постараюсь убедить вас в том, что все эти распространенные знания неверны! И неверны они все по одной причине: язык — это не нечто, придуманное человеком, ему нельзя научиться так, как мы учимся определять время или выясняем, как устроено правительство. На самом деле язык — это особая часть устройства нашего мозга. Он представляет собой сложное, специализированное умение, которым ребенок овладевает спонтанно, не прилагая ментальных усилий и не следуя формальным инструкциям, связанным с последовательным выстраиванием внутренней логики языка. Он развивается одинаково у каждого человека и отличается от остальных процессов, связанных с обработкой информации или разумным поведением. По этим причинам некоторые ученые-когнитивисты описывают язык как психологический феномен, особый ментальный орган, нейронную систему или вычислительный механизм. Я же предпочитаю характеризовать язык необычным для большинства термином «инстинкт». В этом термине заключена идея о том, что люди знают, как говорить, так же инстинктивно, как пауки знают, как плести паутину. Плетение паутины не было изобретено каким-то непризнанным пауком-гением и не зависит от наличия специального образования, строительной специальности или архитектурного таланта. На самом деле пауки плетут свои сети просто потому, что они пауки и строение их мозга обуславливает потребность плести паутину и позволяет им в этом преуспеть. Хотя между языком и паутиной есть некоторая разница, я бы хотел, чтобы вы взглянули

на язык именно с этой стороны, так как это поможет лучше понять явление, о котором мы будем говорить на протяжении всей книги.

Взгляд на язык как на инстинкт прямо противоположен популярному мнению, господствующему в общественных и гуманитарных науках. Язык является достижением культуры не в большей степени, чем прямохождение. Это и не проявление универсальной способности использовать символы: трехлетний ребенок, как мы увидим, обладает гениальными способностями справляться с грамматикой, но при этом он совершенно не компетентен в изобразительном искусстве, религиозной иконографии, дорожных знаках и других элементах семиотики. И хотя язык — это удивительная способность, свойственная среди всех живых существ только роду *Homo sapiens*, нет причин выносить изучение человека за пределы сферы биологии, поскольку наличие у какого-то биологического вида уникальной способности вовсе не уникально. Некоторые виды летучих мышей выслеживают летающих насекомых с помощью эхолокации, в основе которой лежит эффект Доплера. Некоторые перелетные птицы пролетают тысячи миль, вычисляя свой маршрут в соответствии с положением созвездий в зависимости от времени суток и времени года. В природном шоу талантов мы просто вид приматов с эксклюзивным номером, в котором мы с легкостью объясняем, кто, что и с кем сделал, с помощью звуков, которые мы издаем на выдохе.

Стоит только посмотреть на язык не как на необъяснимое доказательство человеческой уникальности, но как на биологическую адаптацию, вызванную необходимостью передавать информацию, и язык уже не будет казаться инструментом, формирующим наше сознание, чем он, как мы увидим, и не является. Более того, взгляд на язык как на чудо, созданное природой, как на дарвиновский «орган, обладающий совершенством структуры и способностью приспосабливаться к окружающей действительности, что по праву вызывает у нас восхищение», заставит нас по-новому и с уважением взглянуть на окружающих нас простых людей и на вечно высмеиваемый и критикуемый английский язык (да и на любой другой тоже). Сложность языка, с точки зрения ученого, — это то, чем мы овладаем по праву рождения, а не то, чему учатся дети у своих родителей или в школе. Как сказал Оскар Уайльд, «образование — это замечательно, но надо хоть иногда вспоминать, что ничему, что действительно стоит знать, научить нельзя». Дошкольник, хотя и не говорит об этом, знает грамматику языка гораздо глубже и детальнее, чем самый толстый учебник по стилистике или ультрасовременная система компьютерной обработки речи. То же самое можно сказать обо всех людях, даже спортсменах, печально известных своей неграмотностью, или э-э-э, ну вы знаете, этих, как их там, подростках-скейтбордистах с их невразумительной речью. И наконец, поскольку язык

является результатом тонко организованного биологического инстинкта, мы увидим, что это не просто что-то интересное и забавное, хотя именно такое впечатление складывается после чтения юмористических колонок в газетах. Я постараюсь восстановить репутацию разговорного английского и даже скажу несколько слов в защиту его орфографии.

Впервые идея о языке как одном из инстинктов была высказана самим Чарльзом Дарвином в 1871 году. В книге «Происхождение человека и половой отбор» ему пришлось столкнуться с проблемой языка, так как наличие последнего только у человека, казалось, бросает вызов его теории. Как и все остальные наблюдения Дарвина, его взгляд на язык невероятно современен:

Один из основоположников благородной науки филологии замечает, что язык — это такое же мастерство, как пивоварение или пекарское дело, но с ними скорее нужно сравнить умение писать. Язык, конечно, не то же самое, что любой другой инстинкт, ведь ему нужно учиться, но в то же время он сильно отличается и от искусств, так как человек обладает инстинктивным желанием говорить. Это подтверждается лепетом маленьких детей, и в то же время ни у одного младенца нет врожденного желания начать заниматься пивоварением, что-то выпекать или писать. Кроме того, ни один филолог сейчас не станет утверждать, что язык был создан намеренно — он складывался медленно и бессознательно, проходя через многие стадии развития.

Дарвин делает вывод, что язык — это инстинктивное стремление овладеть мастерством, которое присуще не только людям, но и некоторым другим видам, например говорящим птицам.

Понятие «языковой инстинкт», возможно, режет ухо тем, кто привык считать, что язык является высшей ступенью развития человеческого интеллекта, а инстинкт — это животный импульс, свойственный мохнатым или пернатым. Инстинктом служит намерение построить плотину или взлететь и полететь на юг, и следование этим импульсам делает животных похожими на запрограммированных зомби. Тем не менее один из последователей Дарвина, Уильям Джеймс, замечал, что инстинкт не обязательно представляет собой что-то, что должно произойти автоматически. Он утверждал, что у нас есть те же инстинкты, что и у животных, и, помимо них, многие другие. Наличие у нас гибкого интеллекта обусловлено взаимодействием многих конкурирующих инстинктов. И именно инстинктивная природа нашего мышления не дает нам увидеть в нем инстинкт.

Только уму, развращенному своей образованностью, могут казаться удивительными естественные процессы. Только он способен задаваться

вопросом «почему?» в отношении любого действия, совершенного человеком инстинктивно. Только метафизик может спросить, почему, когда мы довольны, мы улыбаемся, а не хмуримся, почему перед толпой мы не можем говорить так же, как наедине с другом, почему мы способны потерять голову из-за девушки. Обычный человек только и скажет: «Конечно, мы улыбаемся. Конечно, наше сердце начинает взволнованно биться, когда мы обращаемся к толпе. Конечно, мы любим эту девушку, с прекрасной душой в совершенной телесной оболочке, существо, которое так ощутимо и явно создано природой, чтобы быть предметом вечной любви».

И так, вероятно, думает каждое существо о всем том, что оно делает в присутствии определенных объектов... Для льва это львица, которая создана для того, что любить ее вечно, а для медведя — медведица. Для курицы-наседки кажется чудовищной даже мысль о том, что в мире существует кто-то, для кого гнездо, полное яиц, не является поистине удивительным, ценным и никогда не надоедающим.

Таким образом, можно быть уверенными, что, какими бы невероятными нам ни казались инстинкты животных, наши инстинкты им представлялись бы не менее удивительными. Можно сделать вывод, что для животного все импульсы и стадии любого его инстинкта значимы сами по себе и кажутся единственным правильным и необходимым решением в каждый момент времени. Разве может муха не ощущать этот сладостный трепет, когда она наконец находит тот самый лист, или падаль, или ту самую кучку навоза, где она будет готова отложить свои яйца? Не кажется ли ей в тот момент, что откладывание яиц — это именно то, что она должна сделать? Должна ли она думать или заботиться о будущем личинки и о ее пропитании?

Я не мог бы сформулировать свою цель лучше. Механизм освоения языка понятен нам так же, как мухе — логическое обоснование откладывания яиц. Наши мысли слетают с губ так непринужденно, что не всегда подвергаются внутренней цензуре и из-за этого ставят нас в неловкое положение. Когда мы понимаем текст, поток слов мгновенно становится для нас потоком значений. Это происходит настолько автоматически, что мы можем забыть даже о том, что мы смотрим фильм на иностранном языке с субтитрами. Мы считаем, что ребенок овладевает своим родным языком, повторяя за своей матерью, но, когда ребенок говорит *don't giggle me!* (букв. 'не хохотай меня') или *we holded* the baby rabbits* вместо *we held the baby rabbits* ('мы держали крольчат'), это не может быть подражанием речи

* Ребенок образовал форму прошедшего времени от глагола *hold* по модели с добавлением суффикса *-ed*, свойственной большинству глаголов в английском языке. Однако *hold* — неправильный глагол, формой прошедшего времени которого является *held*. — Прим. пер.

матери. Я хочу заразить ваш ум знаниями, заставить вас смотреть на эти дары природы как на нечто странное, побудить вас задавать вопросы «почему?» и «как?» в отношении этих кажущихся вам обыденными способностей. Попробуйте понаблюдать за иммигрантом, мающим в попытке изучить второй язык, или за пациентом, перенесшим инсульт и пытающимся восстановить свою речь, попробуйте разобрать хоть минутку детского сюсюканья или сделать так, чтобы компьютер полностью понимал по-английски, — и язык уже не будет казаться таким естественным явлением. Легкость, понятность и автоматизм — это лишь иллюзии, за которыми скрывается богатейшая и красивейшая система.

В нашем веке самый известный аргумент в пользу того, что язык подобен инстинкту, принадлежит Ноаму Хомскому, лингвисту, который первым смог пролить свет на сложное устройство языка. В первую очередь благодаря Хомскому, вероятно, и произошла революция в лингвистике и когнитивной науке. В 1950-х годах в социальных науках господствовала концепция бихевиоризма, видными представителями которой были Джон Уотсон и Беррес Фредерик Скиннер. Использование глаголов мышления вроде «думать» или «знать» считалось ненаучным. Термины «разум» и «врожденный» были сродни ругательствам. Поведение объяснялось с помощью нескольких законов, предполагающих, что обучение состоит из реакций на определенные стимулы. Эти законы могут быть обнаружены, например, с помощью экспериментов, в которых крысы учат нажимать на кнопки, а у собак при звоне колокольчика начинает выделяться слюна. Однако Хомский обратил внимание на два особенно существенных факта о языке. Во-первых, практически каждое предложение, произносимое или воспринимаемое человеком, — это совершенная новая, никогда и нигде до этого не встречавшаяся комбинация слов. Следовательно, язык не может быть просто набором реакций на разные раздражители. В нашем мозге должен быть заложен алгоритм или программа, чтобы конструировать потенциально бесконечное количество предложений с помощью ограниченного набора слов. Такую программу можно назвать ментальной грамматикой (не путайте ее со школьной грамматикой или стилистикой, которые существуют лишь для того, чтобы указывать, как правильно писать). Второй факт заключается в том, что дети овладевают этими грамматическими правилами спонтанно, не следуя никаким инструкциям, так что в итоге они могут понимать синтаксические конструкции, которые до этого им ни разу не встречались. Вероятно, считал Хомский, дети с рождения должны владеть универсальной грамматикой, механизмом, одинаковым для всех языков, позволяющим ребенку выявлять в речи родителей синтаксические структуры. Хомский описывает это следующим образом:

Любопытно, что в науке последние несколько веков применялись различные подходы к изучению физического и умственного развития. Никто не стал бы относиться серьезно к гипотезе о том, что только человеческим опытом объясняется наличие у нас рук, а не крыльев или что определенное строение внутренних органов является результатом случайно приобретенного опыта. Вместо этого генетическая обусловленность строения нашего организма считается чем-то само собой разумеющимся, хотя на различия в величине, уровне развития и так далее могут влиять некоторые внешние факторы.

Эволюция личности, моделей поведения и когнитивных систем у высших живых организмов рассматривались совсем иначе. Принято считать, что в этих сферах ключевым фактором развития служит социальное окружение. Постепенное изменение структур сознания происходит произвольно и случайно. О мыслительной деятельности принято говорить не как о природном устройстве человека, а только как о результате исторического развития.

Тем не менее когнитивные структуры при серьезном рассмотрении оказываются не менее удивительными и сложно организованными, чем физическое строение, меняющееся на протяжении всей жизни организма. Почему бы нам не изучать особенности освоения когнитивных механизмов, каким является языковая способность, так, как мы изучаем строение сложно организованных органов человеческого тела?

На первый взгляд мое предложение может показаться абсурдным хотя бы из-за огромного разнообразия человеческих языков. Но при ближайшем рассмотрении эти сомнения развеиваются. Даже зная совсем немного о лингвистических универсалиях, мы можем быть уверены, что структуры, существующие в языках мира, весьма ограничены... Каждый человек, когда овладевает речью, осваивает богатейший и сложнейший механизм, абсолютно невзирая на то, что ребенком на входе он получает лишь отдельные фрагменты этой системы. Тем не менее индивиды в речевом сообществе развивают, по существу, единый язык. Этот факт может объясняться только предположением, что носитель языка с рождения обладает ограниченным набором принципов, являющихся основой любого языка.

Тщательно анализируя предложения, которые носители считают правильными для своего родного языка, Хомский и другие лингвисты разработали теорию ментальной грамматики, лежащей в основе владения конкретным языком, и теорию универсальной грамматики, лежащей в основе грамматик отдельных языков. Работы Хомского мгновенно вдохновили

других ученых, среди которых можно назвать Эрика Леннеберга, Джорджа Миллера, Роджера Брауна, Морриса Халле и Элвина Либермана, на открытие новых областей исследования, от изучения развития языка у ребенка и восприятия им речи до неврологии и генетики, и сейчас тысячи ученых изучают вопросы, поставленные Хомским. На данный момент Хомский входит в десятку самых цитируемых авторов в сфере гуманитарных наук (обойдя Гегеля и Цицерона и уступая только Марксу, Ленину, Шекспиру, Библии, Аристотелю, Платону и Фрейдю) и является единственным живым представителем этой десятки.

Что говорится в этих цитатах, уже другой вопрос. Хомский не оставляет никого равнодушным. Реакции варьируют от выражения благоговейного почтения, обычно приберегаемого для гуру странных религиозных культов, до стирающих в порошок оскорблений, в которых ученые достигли высочайшего мастерства. Отчасти это объясняется тем, что Хомский критикует один из основополагающих принципов интеллектуальной жизни XX века — «главную концепцию социальной науки»*, согласно которой человеческая психика формируется под влиянием окружающей среды. Но есть и другая причина: ни один ученый не может позволить себе игнорировать Хомского. Один из самых строгих его критиков, Хилари Патнэм, признает:

Когда ты читаешь Хомского, тебя сразу поражает его интеллектуальная мощь — сразу понимаешь, что имеешь дело с человеком незаурядного ума. И это происходит не только под чарами его влиятельной личности, но и под воздействием его очевидных интеллектуальных достоинств: оригинальности, презирующей все надуманное и легкомысленное; желания и умения вернуть к жизни давно забытые и устаревшие концепции (такие как «теория врожденных идей»); интереса к таким темам, как устройство человеческого разума, значимость которых остается неизменной.

Содержание этой книги, конечно, во многом обусловлено влиянием, оказанным на меня Хомским. Но это не просто пересказ идей Хомского, и я буду говорить о многих вещах не так, как это сделал бы он. Хомский озадачил многих читателей, заронив в них сомнение в том, что дарвиновский естественный отбор (в отличие от других эволюционных процессов) может объяснить происхождение языкового органа, существование которого он провозглашает. Мне кажется целесообразным изучать язык так же, как мы изучаем, например, устройство глаза, то есть как продукт эволюционной адаптации, основные части которого предназначены для выполнения

* Standard Social Science Model.

важнейших функций, а взгляды Хомского на природу языка основаны в первую очередь на техническом анализе слов и структуры предложений и часто сводятся к излишнему формализму. Его рассуждения о человеке говорящем поверхностны и в высшей степени идеализированы. Во многом я тем не менее буду согласен с Хомским. Я считаю, что убедительные выводы об устройстве разума можно сделать, только если они подкреплены множеством разнообразных фактов. Именно поэтому эта книга весьма эклектична и описывает самые разнородные явления: от процессов формирования мозга с помощью ДНК до рассуждений газетных обозревателей. Лучше всего начать с того, почему вообще стоит считать человеческий язык инстинктом, то есть предметом изучения биологии человека.

Глава 2

Говоруны

До 1920-х годов считалось, что на Земле не осталось ни одного пригодного для жизни человека места, которое не было бы исследовано. Не была исключением и Новая Гвинея, второй по величине остров в мире. Европейские миссионеры, плантаторы и чиновники осваивали прибрежные низменности, будучи уверенными, что ни один человек не может выжить в суровых горах, простирающихся посередине острова. Однако горная цепь, которую было видно с каждого берега, оказалась на самом деле двумя хребтами, между которыми располагались широкие плодородные долины. Около миллиона человек эпохи каменного века, 40 000 лет изолированных от остального мира, населяло эти высокогорья Новой Гвинеи. Завеса тайны была приоткрыта лишь тогда, когда в притоке одной из главных рек было обнаружено золото. Наступившая вскоре золотая лихорадка привлекла Майкла Лейхи, независимого старателя, который 26 мая 1930 года вместе с товарищем и группой носильщиков из числа коренного населения низменных районов Новой Гвинеи начал исследовать горы. Взобравшись на вершину, Лейхи был поражен открывшимся перед ним видом обширной местности, поросшей травой. Однако к ночи его удивление переросло в тревогу, так как вдали виднелись огни, что очевидно свидетельствовало о заселенности долины людьми. После бессонной ночи, в течение которой Лейхи и его команда заряжали оружие и даже сконструировали простую самодельную бомбу, они впервые вышли на контакт с жителями горной местности. Удивление сторон было взаимным. В своем дневнике Лейхи записал:

Я испытал облегчение, когда мы увидели их [туземцев], впереди... мужчин, вооруженных луком и стрелами, позади них — женщин со стеблями сахарного тростника в руках. Когда Эвунга увидел женщин, он сразу же сказал, что вряд ли они собираются нападать. Мы помахали туземцам, чтобы те подошли, и они это проделали очень осторожно, останавливаясь каждые несколько метров, чтобы нас рассмотреть. Когда некоторые из них набрались смелости к нам приблизиться, мы увидели, что они были буквально потрясены нашим появлением. Когда я снял шляпу, те, что стояли поближе, в ужасе попятились. Один старик, открыв от удивления рот,

осторожно подошел дотронуться до меня, чтобы убедиться, что я настоящий. Затем он упал на колени и потер руками мои голые ноги, вероятно, чтобы узнать, не нарисованы ли они, а после обхватил мои колени, прижимаясь своей лохматой головой. Женщины и дети наконец тоже осмелились подойти, и вскоре наш лагерь кишел народом, все бегали туда-сюда, что-то бормотали, перебивая друг друга и указывая пальцами... на все, что было для них в новинку.

Это «бормотание» оказалось их языком, ранее никому не известным. Их язык был одним из 800, обнаруженных с этого времени по 1960-е годы и используемых изолированными обитателями горных областей. Первый контакт Лейхи с туземцами, вероятно, воспроизвел то, что за всю историю человечества происходило сотни раз, когда два народа впервые встречались друг с другом. Все эти народы, насколько нам известно, на момент встречи уже имели собственный язык: каждый готтентот, каждый эскимос, каждый яномамо. Ни разу не был обнаружен «безмолвный» народ, и нет никаких упоминаний о том, что какой-то регион служил колыбелью языка, источником его распространения по всему миру.

Как и во всех остальных случаях, язык местных жителей, в гостях у которых оказался Лейхи, был не простой бессмыслицей, а каналом коммуникации, позволяющим выражать абстрактные идеи, описывать нематериальные сущности и строить сложные цепочки рассуждений. Жители горных районов напряженно совещались в надежде прийти к выводу о том, что собой представляют эти бледные привидения. Большинство предполагало, что Лейхи и его спутники — это реинкарнации их предков или другие духи в обличье людей, а ночью, возможно, они снова становятся скелетами. Туземцы договорились проверить на практике и попробовать прояснить ситуацию. «Один из наших людей спрятался, — вспоминает горный житель Кирупано Эзаэ, — и смотрел, как “белые люди” собираются справлять нужду. Он вернулся и сказал: “Эти люди с небес справляли нужду вон там”. Как только они ушли, многие из наших мужчин отправились туда взглянуть. Когда обнаружили, что в том месте плохо пахнет, они сказали: “Их кожа, может, и отличается от нашей, но их дерьмо пахнет так же плохо”».

Универсальность наличия сложного языка — это открытие, вызывающее трепет у лингвистов, и главная причина считать язык не просто еще одним достижением культуры, но особым человеческим инстинктом. Культурные достижения существенно различаются по своей сложности в разных обществах, а внутри каждого они находятся примерно на одном уровне развития. Некоторые группы людей ведут счет, оставляя зарубки на костях, и готовят, разжигая огонь быстрым вращением палочек в выемке куска

деревя; другие используют компьютеры и микроволновые печи. Однако язык устроен совершенно по-другому. Существуют примитивные сообщества, но не существует такого понятия, как примитивный язык. В первой половине XX века лингвист и антрополог Эдвард Сепир писал: «Когда речь идет о языковых формах, Платон стоит рядом с македонским свинопасом, а Конфуций — с диким охотником за головами из Ассама».

В качестве случайного примера того, каким сложным может быть языковая форма у неразвитых сообществ, приведу статью, недавно написанную Джоан Бреснан. Она посвящена сравнению грамматической конструкции в языке вунджо — одном из языков банту, на котором говорят в нескольких деревнях на склонах горы Килиманджаро в Танзании, — и аналогичной ей конструкции в английском языке, который она описывает как «западно-германский язык, на котором говорят в Англии и ее бывших колониях». Английская конструкция называется дативной*, как, например, в предложениях *She baked me a brownie* ‘Она испекла мне брауни’ и *He promised her Arpège* ‘Он пообещал ей духи Arpège’. В этих конструкциях не прямой объект *me* ‘мне’ или *her* ‘ей’ употребляется непосредственно после глагола, чтобы указать на того, в чью пользу совершается действие. Соответствующая конструкция в вунджо называется аппликатив, и ее сходство с английской дативной конструкцией, как замечает Бреснан, «можно сравнить со сходством между шахматами и шашками». В вунджо значение аппликатива выражается прямо в глаголе, у которого есть семь префиксов и суффиксов, два наклонения и четырнадцать времен; глагол согласуется с существительными, выражающими субъект действия, объект и бенефактив (в чью пользу совершается действие), каждое из которых имеет 16 родов. Эти роды никак не связаны с трансвеститами, транссексуалами, гермафродитами, двуполыми людьми и тому подобными группами людей, как предположил один из читателей этой главы. Для лингвиста слово *gender* ‘род’ сохраняет свое первоначальное значение ‘класс, вид’, такое же как в родственных ему словах *generic* ‘родовой, общий’, *genus* ‘род’, *genre* ‘жанр’. Категория рода в языках банту связана с делением объектов на людей, животных, длинные предметы, группы предметов и части тела. Так случилось, что в европейских языках род (*gender*) соотносится с биологическим полом, по крайней мере у местоимений. По этой причине лингвистический термин «род» стал использоваться нелингвистами в качестве удобного способа указать на биологические различия; более точный термин *sex* ‘пол’ сейчас, кажется, закрепился в качестве деликатного способа обозначить процесс совокупления. Среди других хитроумных приспособлений, которые мне навскидку удалось

* Все лингвистические, биологические и когнитивные термины, которые я использую в этой книге, описаны в Глоссарии на с. 475–487.

заметить в грамматиках языков «примитивных» сообществ, сложная система местоимений в языке чероки кажется особенно удобной. В ней существуют разные способы выразить следующие значения: 'я и ты', 'я и другой человек, но не ты', 'я и несколько других людей, но не ты', 'я, ты и один или несколько других людей', которые в английском языке грубо сводятся к универсальному местоимению *we* 'мы'.

На самом деле люди, чьи языковые способности ошибочно недооценены, живут непосредственно среди нас. Лингвисты постоянно сталкиваются с мифом о том, что рабочий класс и менее образованные люди средних слоев населения говорят на более простом и грубом языке. Это пагубное заблуждение возникает постольку, поскольку нам кажется, что говорить — это очень легко. Однако обычная речь, как цветовое зрение или ходьба, является образцом настоящего инженерного совершенства — это процесс, который устроен так хорошо, что участник воспринимает его результат как должное, не отдавая себе отчет в том, какие сложные механизмы скрыты внутри. За такими «простыми» предложениями, как *Where did he go?* 'Куда он ушел?' или *The guy I met killed himself* 'Парень, которого я встретил, покончил с собой', которые любой носитель английского языка использует автоматически, скрывается множество алгоритмов, организующих слова так, чтобы они передавали определенное значение. Несмотря на десятилетия работы, ни одна искусственная языковая система не смогла даже приблизиться к тому, что может обычный человек, если не считать, конечно, HAL 9000 из «Космической одиссеи» или C-3PO из «Звездных войн».

Если сравнивать язык с автомобилем, то двигатель недоступен человеческому взгляду, а внешнему устройству и дизайну уделяется чрезмерное внимание. Пустяковые различия между доминирующим вариантом языка и вариантами других групп, такие как *isn't any* и *ain't no* 'нет никаких...', *those books* и *them books* 'те книги', а также *dragged him away* и *drug him away* 'утащил его прочь', считаются маркерами «правильной грамматики». Однако эти различия демонстрируют грамматическую изысканность не больше, чем то, что в некоторых регионах Америки стрекозу называют *dragonfly*, а в других регионах — *darning needle*, или то, что в Англии собаки — *dogs*, в то время как для носителей французского языка они — *chiens*. Даже то, что мы называем стандартным или литературным английским «языком», а его разновидности «диалектами» или «вариантами», может вводить в заблуждение, как будто между ними есть какая-то значимая разница. Лучшее определение языка дал лингвист Макс Вайнрайх: «Язык — это диалект, у которого есть армия и флот».

Широко распространен миф о том, что диалекты английского языка, отличные от стандартного английского, неполноценны. В 1960-х несколько

педагогов-психологов с самыми благими намерениями заявили, что темнокожие американские дети были с детства лишены культуры, поэтому они не могут говорить на правильном языке и ограничиваются «нелогичной формой выразительного поведения». Этот вывод был основан на замкнутой и недружелюбной реакции учащихся на ряд стандартизированных тестов. Но если бы психологи понаблюдали за их спонтанными разговорами, то они бы открыли для себя тот простой факт, что культура темнокожего населения Америки повсеместно представлена в устной форме; в частности, субкультура уличной молодежи знаменита в анналах антропологии своей языковой виртуозностью.

Вот пример из интервью, проведенного лингвистом Уильямом Лабовым на крыльце в Гарлеме. Интервьюируемого звали Ларри, и он был самым «крутым» представителем банды тинейджеров под названием Jets. (В своей научной статье Лабов отмечает, что «встреча большинства читателей с Ларри вызвала бы довольно негативные реакции у обеих сторон».)

You know, like some people say if you're good an' shit, your spirit goin' t'heaven... 'n' if you bad, your spirit goin' to hell. Well, bullshit! Your spirit goin' to hell anyway, good or bad.

[Why?]

Why? I'll tell you why. 'Cause, you see, doesn' nobody really know that it's a God, y'know, 'cause I mean I have seen black gods, white gods, all color gods, and don't nobody know it's really a God. An' when they be sayin' if you good, you goin't'heaven, tha's bullshit, 'cause you ain't goin' to no heaven, 'cause it ain't no heaven for you to go to.

[...jus' suppose that there is a God, would he be white or black?]

He'd be white, man.

[Why?]

Понимаешь, говорят, если ты хороший и все такое, то твоя душа попадет на небеса, а если ты плохой, то твоя душа отправится в ад. Да бред! Твоя душа попадет в ад по-любому, хороший ты или плохой.

[Почему?]

Почему? Я скажу почему. То есть сам понимаешь, никто не знает реально, что Бог есть, понимаешь, то есть я встречал черных богов, белых богов, богов всех цветов, не знает никто, что Бог есть. И когда говорят, что ты попадешь на небеса, если ты хороший, это бред, потому что ни на какие небеса ты не попадешь, потому что нет никаких небес, чтобы туда попасть.

[...если просто предположить, что Бог существует, он бы был белым или черным?]

Он бы был белым, чувак.

[Почему?]

Why? I'll tell you why. 'Cause the average whitey out here got everything, you dig? And the nigger ain't got shit, y'know? Y'understan'? So — um — for — in order for that to happen, you know it ain't no black God that's doin' that bullshit.

Почему? Я скажу почему. Потому что у среднего белого здесь есть все, сечешь? А у ниггера нет ни хрена, понимаешь? Догоняешь? То есть — эм — чтобы так было, понимаешь, не может быть черного Бога, который творил бы эту хрень'.

Первая встреча с грамматикой Ларри тоже вызвала бы негативную реакцию, но, с точки зрения лингвиста, его грамматика вполне согласуется с правилами английского диалекта под названием блэк-инглиш (Black English Vernacular). Самая примечательная черта этого диалекта с точки зрения лингвистики состоит в том, что он совершенно лингвистически не примечателен: если бы Лабов не привлек к нему внимание в попытке развенчать миф о том, что дети гетто не обладают надлежащей языковой компетенцией, блэк-инглиш считался бы просто отдельным языком. В то время как стандартный американский английский (САА) использует *there* перед глаголом-связкой в качестве пустого подлежащего, не обладающего лексическим значением, афроамериканский английский применяет *it* (ср. конструкции в САА *There's really a God* с конструкцией Ларри *It's really a God*. — Прим. пер.). Двойное отрицание, встречающееся у Ларри (*You ain't goin' to no heaven*), распространено во многих языках, например во французском (*ne... pas*). Как и носитель САА, Ларри меняет порядок следования подлежащего и вспомогательного глагола в некоторых предложениях, но набор предложений, в которых возможна эта инверсия, немного отличается. Ларри и другие носители блэк-инглиша в отрицательных предложениях типа *Don't nobody know* меняют местами подлежащее и вспомогательный глагол, а носители САА делают это в вопросах (*Doesn't anybody know?*) и в некоторых других типах предложений. В блэк-инглише возможно опущение связки (*If you bad*), и это не просто лень, а систематическое правило, которое, по сути, представляет собой то же, что и правило стяжения в САА, благодаря которому конструкция *He is* сокращается до *He's*, *You are* — до *You're* и *I am* — до *I'm*. В обоих диалектах глагол *be* 'быть' может подвергаться изменениям только в определенных типах предложений. Так, ни один носитель САА не допустит стяжения в следующих случаях:

Yes he is! → *Yes he's!*

I don't care what you are. → *I don't care what you're.*

Who is it? → *Who's it?*

По тем же причинам ни один носитель блэк-инглиша не допустит здесь опущения формы глагола *be*:

Yes he is! → *Yes he!*

I don't care what you are. → *I don't care what you.*

Who is it? → *Who it?*

Обратите внимание, что носители блэк-инглиша не имеют тенденции уменьшать количество слов в предложении. Те, кто говорит на этом диалекте, используют полные формы определенных вспомогательных глаголов (*I have seen*), тогда как в САА обычно применяется их сокращенная форма (*I've seen*). В некоторых случаях блэк-инглиш точнее, чем стандартный английский, что для лингвиста, сравнивающего два языка, неудивительно. Конструкция *he be working* означает, что он вообще работает, то есть что у него есть постоянная работа; конструкция же *he working* подразумевает, что он работает именно в момент произнесения высказывания. В САА конструкция *he is working* выражает оба варианта. Кроме того, такие предложения, как *In order for that to happen, you know it ain't no black God that's doin' that bullshit*, показывают, что в речи Ларри можно найти полный набор грамматического инвентаря, который с трудом пытаются воспроизвести компьютерные лингвисты (относительные предложения, инфинитивные обороты, вложенные друг в друга придаточные и так далее), не говоря уже об оригинальном теологическом обосновании.

Другой проект Лабова включал в себя подсчет распределения доли грамматичных предложений в речи людей различных социальных классов в различных речевых ситуациях. В данном случае «грамматичное предложение» обозначает предложение, «оформленное в соответствии с правилами диалекта участников разговора». Например, если говорящий задает вопрос «Куда ты идешь?», ответ адресата «В магазин» не будет считаться неправильным, хотя он не является полным предложением. Такого рода сокращение (эллипсис), несомненно, является частью грамматики разговорного английского языка. Напротив, полные ответы вроде *I am going to the store* звучат неестественно и почти никогда не встречаются. «Неграмматичные» предложения по определению включают в себя бессистемно опущенные фрагменты, косноязычные запинки и бормотание, оговорки и другие бессвязные наборы слов. Результаты подсчетов Лабова очень любопытны. Подавляющее большинство предложений были грамматичны, особенно в ситуациях бытового общения, при этом в речи рабочего люда было больше грамматичных предложений, чем у представителей среднего

класса. Больше всего неграмматичных предложений оказалось в записях докладов на научных конференциях.

Языковая сложность характерна для любой человеческой среды — это открытие привлекает к себе внимание и для многих исследователей убедительно доказывает врожденную природу языка. Но для некоторых упрямых скептиков, таких как философ Хилари Патнэм, это вовсе не доказательство. Он считает, что не все универсальное является врожденным. Так же как раньше путешественники не могли найти племя без языка, сейчас антропологи с трудом обнаруживают людей, до которых не дошли бы видеомагнитофоны, кока-кола или футболки с Бартом Симпсоном. Язык стал универсалией раньше кока-колы и приносит гораздо больше пользы. Это как есть с помощью рук, а не с помощью ног, что тоже универсально, но не требует изобретения специального инстинкта, чтобы объяснить, почему мы едим руками. Язык бесценен для любых повседневных занятий в жизни людей: приготовления пищи и организации жилища, выражения любви, ведения спора, переговоров, обучения. Известно, что нужда — мать всех изобретений, так и язык мог быть придуман предприимчивыми людьми давно и даже неоднократно. Возможно, как утверждает Лили Томлин, человек изобрел язык, чтобы удовлетворить свою глубинную потребность жаловаться. Универсальность грамматики просто соответствует универсальности запросов в людской жизни и универсальности ограничений при обработке информации мозгом человека. Во всех языках есть слова, обозначающие воду и ногу, потому что все люди испытывают необходимость обозначать эти понятия; ни в одном языке нет слова, состоящего из миллиона слогов, поскольку ни у какого человека не хватит времени его произнести. Будучи однажды изобретенным, язык закрепился в культуре, так как родители обучали ему своих детей, а дети повторяли за родителями. От культурных сообществ, обладающих языком, он, словно пожар, перешел к другим, более молчаливым. В основе этого процесса лежит удивительная гибкость человеческого разума, которому свойственны разнообразные стратегии обучения.

Таким образом, универсальность языка не подразумевает его врожденную природу в том же смысле, в котором завершение дня подразумевает начало ночи. Чтобы убедить вас в существовании языкового инстинкта, мне придется привести множество аргументов: от болтовни современных народов до предполагаемых грамматических генов. Важнейший шаг на пути к доказательству инстинктивной природы языка связан с моей профессиональной деятельностью — изучением развития речи у детей. Суть аргумента состоит в том, что язык универсален, потому что дети, его

изучая, на самом деле каждый раз его заново изобретают, поколение за поколением, — и не потому, что их этому учат, не потому, что они, как правило, очень смысленные, не потому, что им это нужно, но потому, что они просто не могут этого не делать. Давайте рассмотрим несколько примеров.

Начать нужно с того, как возникли реальные языки, которые мы встречаем в современном мире. Можно подумать, что здесь лингвист столкнется с проблемой любой исторической науки: важнейшие события не подвергались записи тогда, когда они происходили. Несмотря на то что специалисты, занимающиеся историей языка, могут проследить происхождение современных языков от более древних, это лишь на шаг приближает нас к решению проблемы. Нам необходимо понять, как людям удалось создать такой сложный язык. Удивительно, но это возможно.

Посмотрим на два печальных явления мировой истории: трансатлантическую работорговлю и долговое рабство в Южно-Тихоокеанском регионе. Вероятно, помня о Вавилонской башне, некоторые хозяева табачных, хлопковых, кофейных и сахарных плантаций намеренно соединяли рабов и рабочих, говорящих на разных языках. Другие, может, и предпочитали определенные этнические группы, но вынуждены были соглашаться на смешанные группы, потому что выбора не было. Когда людям, говорящим на разных языках, необходимо общаться, чтобы решать насущные проблемы, но у них нет возможности выучить языки друг друга, они создают свой собственный язык, называемый пиджином. Пиджины представляют собой быстро меняющийся набор слов, заимствованных из языка колонизаторов или владельцев плантаций, используемых в речи без особого порядка и практически не изменяющихся с точки зрения грамматики. Иногда пиджин становится лингва франка и с течением времени его устройство усложняется, как это случилось, например, с пиджином на основе английского языка на юге Тихого океана. Принц Филипп во время одного из визитов в Новую Гвинею был приятно удивлен тем, как его называют на этом языке (*fella belong Mrs. Queen* 'паренек Королевы').

Тем не менее лингвисту Дереку Бикертону удалось показать, что во многих случаях пиджин может стать полноценным сложноустроенным языком в одночасье: стоит только группе детей столкнуться с пиджином в возрасте, когда они осваивают родной язык. Это случалось тогда, утверждает Бикертон, когда дети были изолированы от родителей и вместе находились под опекой людей, говорящих с ними на пиджине. Не довольствуясь воспроизведением бессвязного набора слов, дети внесли грамматическую сложность туда, где ее никогда не было, что повлекло за собой формирование богатой и выразительной речи. Язык, который образуется, когда пиджин становится родным для детей, называется креольским.